

ИЗУЧЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ 20-х - 40-х ГОДОВ

Демографические процессы в СССР в катастрофические для этой страны 20-е - 40-е годы издавна привлекали внимание исследователей во всем мире. Уже в 1945 г. появилась классическая монография Фрэнка Лоримера, поставившая все главные вопросы, касающиеся демографического развития СССР этого периода, тогда еще не завершившегося. На протяжении последующих десятилетий многие авторы пытались проникнуть в тщательно охраняемые тайны демографических событий сталинских времен и немало в этом преуспели. Но только последнее десятилетие - после 1985 г. - сделало возможным изучение этих, уже ставших историей, событий на их родине и притом в условиях резко возросшего общественного интереса к ним. Это обстоятельство, само по себе немаловажное, соединилось с другим, имевшим решающее значение: и отечественные и зарубежные исследователи получили доступ к ранее засекреченным архивам. В результате исследования демографической истории СССР 20-х-40-х годов вошли в полосу небывалого бума.

Можно выделить три группы задач, которые объективно стоят перед такого рода исследованиями.

(1) Сбор, проверка и корректировка статистической и нестатистической информации о демографических событиях и процессах с целью восстановления как можно более близкой к истинной количественной картины того, что же в действительности происходило на протяжении трех наиболее драматических десятилетий советской истории.

(2) Анализ накопленных уточненных и скорректированных количественных оценок с целью получения более или менее обобщенных характеристик основных демографических процессов: рождаемости, смертности, миграции, изменений численности и возрастной структуры населения, его этнического состава, территориального перераспределения и т. п.

(3) Синтез полученных аналитиками результатов с целью включения их в общий контекст эволюции советского общества рассматриваемого периода, их объективной исторической оценки, выработки представлений о долговременных социальных последствиях демографических событий 20-х-40-х годов и пр.

Эти три задачи отчасти указывают и на естественную хронологическую последовательность научных усилий. Конечно, разграничение и самих задач, и соответствующих им этапов исследований может быть лишь очень условным, в какой-то мере все три задачи могут решаться параллельно. Тем не менее фактический ход исследований указывает на неизбежность последовательного решения задач. Сейчас в большинстве публикуемых работ явно преобладает интерес к первой группе задач и почти не заметен интерес к задачам третьей группы. То же самое можно сказать и о докладах, представленных на наш семинар.

Доклад первой группы, как и многие исследования на ту же тему, появившиеся ранее, демонстрируют широкие возможности демографических методов и моделей, в то же время развивая их. Авторы проявляют немалую изобретательность при восстановлении и проверке, казалось бы, навсегда утраченной информации. К числу таких докладов относятся.

С. Адамец и В. Школьников (S. Adamets, S. Shkolnikov) - о восстановлении таблиц смертности конца 30-х годов для трех славянских республик СССР. Исключив данные по Средней Азии, Казахстану и Закавказью как ненадежные, авторы скорректировали показатели младеенческой смертности и смертности в старших возрастах для России, Украины и Белоруссии и построили новые таблицы смертности для 1926-1917 и 1938-1939 гг. Корректировка, которую авторы считают минимальной, привела тем не менее к более низким, чем до корректировки, значениям ожидаемой продолжительности жизни. В действительности, как они считают, она была, вероятно, еще более низкой, их метод, основанный на использовании модельных таблиц смертности, не позволяет учесть выявлять погрешностей учета, если они распространены равномерно по всем возрастам. В докладе указываются такие возможные источники недоучета, как смертность заключенных и спецпереселенцев, а также потери в Финской войне, невозможность, о которых, по словам авторов, им неизвестно, как учитывались потери и учитывались ли они вообще.

С. Уиткрофт (S.G.Wheatcroft) - об основаниях для корректировки данных о рождаемости и смертности 1932-1933 гг. Автор показывает, что динамика помесечных данных о рождаемости и смертности сама по себе может свидетельствовать об отклонении от их нормальных уровней, и в связи с этим продолжает обсуждение вопроса о внесении поправок на данные ЦСУ СССР о числе рождений и смертей в начале 30-х годов в СССР, начатого в работах Андреева и соавторов. Их поправки он считает завышенными и предлагает свой вариант поправок, основанный на несколько иной логике хронологии событий. В частности, он придает большое значение отрицательной корреляции между ростом числа смертей, с одной стороны, и числа рождений 9 месяцев спустя, с другой, что не учитывается при внесении поправок Андреева и др.

С. Адамец, А. Блум, С. Захаров (S.Adamets, A. Blum, S. Zakharov) - о географических и когортных особенностях советских деографических катастроф. Доклад охватывает широкий круг вопросов, и его нельзя однозначно отнести к числу исследований, отвечающих только на первую группу вопросов, связанных с анализом и корректировкой исходной демографической информации. Тем не менее он вносит интересный вклад в решение этой группы задач, ибо содержит систематическую корректировку кривых дожития поколений в межпереписные периоды и одновременно возрастных пирамид по 8 всеобщим переписям - с 1897 по 1989 г.

Но тут и начались довольно странные вещи. Вся мощь демографического знания, брошенная на обработку новых открывшихся материалов, порой приносит более, чем скромные результаты. Возьмем один из наиболее спорных вопросов - оценку численности населения на начало 1939 г., по истечении всего нескольких лет после года 1932-1933 гг., в разгар политических репрессий. Естественно считать, что публиковались фальсифицированные данные. Но подтверждается ли это исследованиями? Приведем несколько имеющихся оценок.

Таблица . Население СССР на начало 1939 г. (в старых границах) по некоторым оценкам, млн. человек.

"Правда" (1937) ¹	169,0
Лоример (1946) ²	170,3
Бирабен (1958) ³	169,5
Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.(1962) ⁴	170,6
Максудов (1977) ⁵	170,6
Андреев, Дарский, Харькова (1990) ⁶	168,5
Жиромская(1992) ⁷	167,6

Различия есть, но они не особенно велики, порой в пределах "разрешающей способности" оценок.

То же и с оценками демографических потерь 20-х - 40-х годов. Выполненные в последнее время работы очень интересны, но они не меняют наших представлений, не требуют коренного

1. "Правда", 15 декабря 1937 г.

2. Lorimer F. The population of the Soviet Union: history and prospects. League of Nations, Geneva, 1946, p. 135.

3. Birabin J.-N. Essai sur l'évolution démographique de l'URSS. "Population", 1958, 2bis (Numero special), p. 39, 43.

4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том). М., 1962, с. 13.

5. Maksudov. Pertes subies par la population de l'URSS. 1918-1958. Cahiers du Monde Russe et Sovietique, 1977, v.XVIII, N 3, p. 250. См. также: Максудов. Потери населения СССР в 1918-1953 годах. В кн.: Максудов. Потери населения СССР. Benson, Vermont, Chalidze Publications, 1989, с. 202.

6. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. - История населения СССР 1920-1959 гг. - Госкомстат СССР. Экспресс-информация. Серия "История статистики", вып. 3-5 (часть 1), с. 142; См. также: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза 1922-1991. М., 1993, с. 118.

7. Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: история проведения, оценка достоверности. В кн.: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., "Наука", с. 8.

пересмотра оценок, выполненных ранее. В этом можно согласиться с Максудовым. Мне уже приходилось писать об этом.⁸

"Ну а общая цена сверхсмертности, величина людских потерь бывшего СССР в социальных катастрофах XX века? Точной статистики потерь нет, и до сих пор судить о них можно лишь приблизительно, что порождает большие различия в оценках.

Вероятно, самая высокая из них была опубликована в 1964 г. в американской эмигрантской газете "Новое русское слово", в статье бывшего советского профессора И. Курганова "Три цифры". Автор статьи утверждал, что общие потери населения СССР за 42 года - с 1917 по 1959 - составили 110,7 млн. человек (первая цифра), в том числе людские потери, связанные со Второй мировой войной, - 44 млн. (вторая цифра) и потери в "невоенно-революционное время" - 66,7 млн. человек (третья цифра)⁹.

Эта оценка получила довольно широкую известность, на нее ссылались, например, такие авторы, как Питирим Сорокин или Солженицын, но в специальной литературе была показана ее несостоятельность¹⁰. По существу, "первая цифра" - оценка, к тому же неверная, не потерь, а лишь нереализованного демографического потенциала. Даже если сохранить общую логику И. Курганова, но сделать более корректный расчет, то "первая цифра" уменьшится до 82,4 млн. человек¹¹. Но за ней - не только повышение смертности, но и снижение рождаемости, в том числе и закономерное, естественное для XX века.

Лучше соответствуют представлению о потерях как результате только повышенной смертности оценки Максудова: примерно 10 миллионов преждевременно умерших, в основном в результате гражданской войны и голода 1921 г., за 1918-1926 годы; 7,5 миллионов (по более поздней его оценке - 9,8) погибших от голода и репрессий за 1926-1938; 22,5-26,5 миллионов за 1939-1953 годы¹². Всего получается не менее 40 миллионов жертв. "Почти половина мужчин и каждая четвертая женщина умерли за эти годы не своей смертью. А если взять только напряженные годы (1918-1922 и 1932-1940), 29 млн. мужчин погибло и лишь 20 млн. умерло в своей постели; 11 из 33 млн. женщин не прожили отпущенного им срока. Даже если принять минимальную цифру потерь, то и в этом случае они составят более трети умерших за эти годы"¹³.

Имеется и более поздняя оценка, основанная на использовании недоступных ранее архивных материалов, но она не слишком отличается от оценки Максудова: 7 млн. человек с 1927 по 1941 г., и 26 млн. с 1941 по 1945 г.¹⁴.

Изучены, конечно, еще не все архивы, размеры потерь, вероятно, будут уточняться. Но уже ясно, что никакие уточнения не могут изменить общей картины: примерно за 40 лет, с начала Первой мировой войны до конца Второй, в России (СССР) погибло, не дождавшись естественной смерти, 40, а то и 50 миллионов человек".

Настораживает политизированность многих историко-демографических исследований. Примером такой обеспокоенности служит письмо, только что появившееся в журнале "Отечественная история"¹⁵.

8. Вишневский А. Демографическая свобода в несвободном обществе. "Знамя", 1993, 8, с. 185-186.

9. Курганов И. Три цифры. Новое русское слово, 1964.

10. Максудов С. Потери населения СССР, с. 156; Вишневский А.Г., Захаров С.В. Демографические тревоги России. - Вестник Академии наук СССР, 1990, 8, с. 17-19.

11. Вишневский А.Г., Захаров С.В. Демографические тревоги России, с. 19.

12. Максудов С. Потери населения СССР, с. 148, 187, 191-192, 200.

13. Максудов С. Там же, с. 201.

14. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. - История населения СССР 1920-1959 гг., с. 84, 118; См. также: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза 1922-1991, с. 60-61, 78.

15. О голоде 1932-1933 годов и его оценке на Украине. Письмо в редакцию И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкой, В.В. Кондрашина, Е.Н. Осколкова. "Отечественная история" 1994, 6, с. 256-263.

Фрагмент из статьи Вишневецкого и Захарова:

"Нереализованный потенциал демографического роста [России] за период 1917-1959 годов составил не менее 60 млн. человек.

В значительной мере это было результатом снижения рождаемости - отчасти закономерного, отчасти форсированного, вынужденного чрезвычайными обстоятельствами военных или мирных, но катастрофических лет. Но и прямые потери от "сверхсмертности" тоже были огромными. Чтобы читатель понял, о чем идет речь, приведем иллюстрацию, относящуюся к мирному времени (влияние военных событий более очевидно). По официальным данным, численность населения РСФСР между переписями 1926 и 1939 годов увеличилась на 17%, в то время как прирост населения, скажем, трех республик Закавказья составил 37%¹⁶. Чем объяснить такую разницу? Ведь рождаемость в России хотя и снизилась за это время, все еще оставалась высокой - даже в 1940 г. она была более высокой, чем в Грузии и Азербайджане¹⁷. Можно было бы предположить интенсивную миграцию населения России за пределы республики (но не за пределы страны - ее в тот период практически не было). Но тогда численность русских, составляющих подавляющее большинство населения республики, должна была ускоренно расти за ее пределами, а значит и в стране в целом. На деле же по стране она выросла еще меньше, чем все население РСФСР, - всего на 13%¹⁸. Единственное объяснение относительно более медленного роста населения Российской Федерации в 30-е годы - демографические потери как следствие разорения деревни, голода, массовых репрессий. Точную величину этих потерь еще предстоит оценить, но то, что они чрезвычайно велики, сомнений не вызывает. Эти "мирные" потери соединяются с военными, и счет не зародившихся или загубленных жизней идет уже на миллионы, а то и на десятки миллионов.

Из нашего примера видно, что потери по стране распределялись неравномерно, Российская Федерация пострадала очень сильно. Но вот опять же в ряде изданий постоянно повторяется мысль, что потери России, русского народа, русского крестьянства были не просто большими, а самыми большими. Достойно ли меряться горем, нужно ли это сейчас? Но кого-то, видно, заботит это печальное первенство. И приходится сказать, что на самом деле оно, скорее всего, мифическое.

Кровавый каток истории прошелся по всем народам СССР, тяжелые потери понесли народы России и, конечно, русский народ, более многочисленный, чем все остальные народы страны, вместе взятые. Но именно поэтому нельзя судить только по абсолютной величине потерь. Если соотносить их с численностью народов, то некоторые из них пострадали гораздо больше.

Это относится, например, к ряду репрессированных народов Российской Федерации, переживших абсолютное сокращение их численности. Даже в 1959 г. почти на одну пятую меньше, чем в 1939, была численность калмыков. К этому времени не восстановили свою численность балкарцы, едва-едва достигли предвоенной численности чеченцы. А крымские татары? По данным академика А.Д. Сахарова, они потеряли от сталинских репрессий около 46% населения¹⁹. Сейчас уже и не знаешь, как сказать, - произошла их трагедия внутри Российской Федерации или вне ее.

Но и за пределами России демографические потрясения были уж во всяком случае не меньшими. Об этом говорят, в частности, оценки числа жертв голода 1932-1933 годов. Страшный удар пришелся по Украине и украинскому народу. Число русских между 1926 и 1939 гг. все-таки, как мы видели, довольно заметно выросло, число же украинцев сократилось более, чем на 3 миллиона человек, или на 10%²⁰. Правда, на самой Украине такого сокращения не было, в 1939 г. число украинцев там было таким же, как и в 1926, - тоже достаточно красноречивый итог для края, который в начале века отличался едва ли не самой высокой в Европе рождаемостью. Убыль числа украинцев зафиксирована за пределами республики и связана не только с прямыми потерями, но и с тем, что при переписи 1939 г. украинцев, живущих в России, нередко записывали русскими (что, кстати сказать, преуменьшало потери русского народа). Так было, например, с кубанскими казаками, которые в 1926

16. Население СССР 1987. Статистический сборник. М., 1988, с. 8.

17. Население СССР 1973. Статистический сборник. М., 1975 с. 70, 75-76.

18. Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Народонаселение СССР. М., 1969, с. 86.

19. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1990, с. 35.

20. Перковський А.Л., Пирожков С.І. Демографічні втрати Української РСР у 30-ті роки.- Український історичний журнал, 1989, 8, с. 30.

г. были переписаны как украинцы, а в 1939 г.- как русские²¹. По некоторым оценкам, подобная процедура могла привести к сокращению числа украинцев на 2-3 миллиона человек²².

Но даже и с учетом сказанного, оценки потерь украинского народа от голода потрясают. Например, по данным Р. Конквеста, из 7 миллионов погибших от голода 1932-1933 гг. 5 миллионов приходится на Украину²³. Катастрофическими были потери от голода казахского народа, уменьшившегося на четверть. Если эти оценки и не совсем точны - они нередко оспариваются, - общий смысл их подтверждается многими авторами. Например, Максудов, анализируя соотношение возрастных групп сельского женского населения по переписи 1959 г., приходит к выводу, что голод 1933 г. свирепствовал во всех областях Украины (в тогдашних границах), в Казахстане а также в некоторых районах России - на Северном Кавказе, в отдельных областях Поволжья и нескольких других²⁴.

Огромные людские потери понесли многие народы во время Великой Отечественной войны - ведь территория ряда республик была полностью оккупирована. Не забудем и о послевоенном голоде. О масштабах потерь косвенно можно судить, сопоставляя данные переписей населения 1939 и 1959 годов. Численность русских (в современных границах СССР) увеличилась за период между этими переписями на 13,7 %, украинцев - всего на 4,4, а белорусов вообще не достигла довоенной величины к 1959 г. Здесь уместно сказать и о демографической трагедии еврейского населения Европы, которая распространилась на СССР. В его современных границах жило 4,6 миллиона евреев²⁵, почти все территории их массового расселения были оккупированы. Перепись 1959 г. зафиксировала всего 2268 тысяч евреев. Таким образом, потери еврейского населения СССР в результате фашистского геноцида приближаются к половине его довоенной численности²⁶.

Вопрос деликатный, здесь легко сбиться на взаимные несправедливые обвинения в политизированности и идеологизированности, но все-таки и объективный анализ не вполне исключен. Приведу лишь небольшой и простой пример. В одном из докладов (Кульчицкого) дается оценка числа детей, якобы не родившихся на Украине из-за голода 1932-1933 гг. Автор оценки чувствует себя очень свободно.

21. Перковський А.Л., Пирожков С.І. Демографічні втрати Української РСР у 30-ті роки.- Український історичний журнал, 1989, 8, с. 30.

22. Anderson B. and Silver B. Demographic analysis and population catastrophes in the USSR. Slavic Review, v.44, 3, 1985, с. 532-534.

23. Conquest R. The harvest of sorrow. Soviet collectivization and the terror-famine. N.Y. Oxford University Press, 1986, с.306.

24. Максудов. Потери населения СССР, с. 173.

25. Численность и расселение народов мира. М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 64.

26. А. Вишневский, С. Захаров. Демографические тревоги России, с. 19-20.

Population of the USSR, January 1939, different estimations, in millions.

"Pravda" (1937)	169,0
Lorimer (1946)	170,3
Birabin (1958)	169,5
Itogi Vsesojuznoy perepisi 1959 (1962)	170,6
Maksudov (1977)	170,6
Ahdreev, Darsky, Kharkova (1990)	168,5
Zhiromskaia (1992)	167,6

Deficit of births provoked by the famine, different estimations. Ukraine, 1932-1936, in thousands.

	Observed	Projected			Losses		
		Ukrainian annual number of births ~1927-31 (I)	Ukrainian rate of decline ~1927-31 (0,953) (II)	Hungarian- decline acceleration rate ~1931-35 (0.945) (III)	(I)	(II)	(III)
1927	1184.4	1184.4	1184.4	1184.4			
1928	1139.3	1139.3	1139.3	1139.3			
1929	1081	1081	1081	1081			
1930	1023	1023	1023	1023			
1931	975.3	975.3	975.3	975.3			
1932	782	1080.6	929.2	921.3	298.6	147.2	139.3
1933	470.7	1080.6	885.3	877.8	609.9	414.6	407.1
1934	571.6	1080.6	843.5	836.3	509	271.9	264.7
1935	759.1	1080.6	803.6	796.8	321.5	44.5	37.7
1936	895	1080.6	765.7	759.2	185.6	-129.3	-135.8
~1927-31	5403	5403	5403	0	0	0	0
~1932-36	3478.4	5403	4227.4	4191.5	1924.6	749.0	713.1
~1932-34	1824.3	3241.8	2658.0	2635.5	1417.5	833.7	811.2

Ukraine:

Total growth 1927-1931 - 0.823

Annual growth 1927-1931 - 0.953

Annual growth 1927-1931 with Hungarian rate of acceleration - 0.945

"Уменьшение контингентов новорожденных в УССР не случайное явление. Основная причина этого процесса - быстрый рост культуры в нашей стране... За женщиной больших и средних городов следует женщина меньших населенных пунктов и, наконец, крестьянка; они все больше и больше рассматривают факт рождения как нечто, зависящее от нашего желания. Некоторые границы для превращения рождения из биологического явления в чисто социальное, целиком зависящее от нашей индивидуальной воли, возникали... из-за недостаточной сети лечебных учреждений".

М. Птуха (1932).

Численность населения после 1939 г.

1939 г. служит определенной вехой, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, в этом году была проведена перепись населения, результаты которой используются до сих пор в качестве официальных данных о численности населения и других демографических характеристиках того периода. Во-вторых, в 1939 г. были существенно изменены границы страны, в ее состав вошли Западная Украина, Западная Белоруссия, Северная Буковина, Литва, Латвия и Эстония, что увеличило население СССР, по официальным оценкам, примерно, на 20 млн. человек. Заметим также, что 1939 г. очень близок к 1941, когда началась война, ставшая причиной еще одного демографического катаклизма.

1939 г. завершал период советской истории, который долгое время привлекал и привлекает, пожалуй, наибольшее внимание демографов, - его границы для демографов определяются прежде всего наличием двух переписей населения - 1926 и 1939 гг. Демографические события внутри этого периода, количественные оценки их результатов вызывают много споров, но оценки на начало и конец периода у всех авторов почти совпадают, точнее, долгое время все авторы принимали официальные данные, сообщенные при публикации результатов указанных переписей, хотя, в конце концов началась ревизия и этих оценок.